

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 41–47, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-41-47
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37)

Old Written Kalmyk: the Category of Number. Nouns

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru

² Laboratory Assistant, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru

Abstract. The article examines the grammatical category of number (forms of the plural) in Old Written Kalmyk. In Old Written Kalmyk the category was represented by two grammatical meanings: 1) the singular and 2) the plural. Nouns in the singular have a zero ending while in the plural there are a number of grammatical forms constituted by means of special formants. Nouns of Old Written Kalmyk have the categories of case, number and may also contain indicators of the possessive. Indicators of the categories get joined to the noun stem in strict order: an indicator of the plural comes first and is followed by a case suffix which, in turn, is followed by a possessive suffix that sometimes makes an integral unit with the case suffix.

Ever since the emergence of Mongol studies, the category of number has been dealt with according to the ‘the singular — the plural’ scheme inherent to the Indo-European languages. In Old Mongolian, the category of number (the plural) was widely developed and, thus, was regular enough. The ‘contingent of nouns’ that could take plural forms was far larger than in present-day languages. G. Sanzheev noted that ‘in Mongolian languages those were special suffixes determined by corresponding ending phonemes of singular noun stems that served to express the category of the plural’. In Old Written Kalmyk, the indicators of the plural are as follows: *-d, -s, -muud / -müüd / -muus, -noγoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -cuud / -cüüd / -čiud, -tan / -ten*. In most cases noun stems coincide with singular nominative forms, except for nouns with the ending ‘unstable *-n*’ in the singular. The latter form the plural by means of the suffix *-d* and *-n* disappears. Thus, the choice of an indicator of the plural in Old Written Kalmyk largely depends upon the stem ending and the semantics of the noun. E. g., plural forms of nouns ending in vowels develop by means of the suffix *-s*. The semantic factor proves crucial for application of the suffix *-nar / -ner* since it can join only stems of nouns denoting people and professions.

In Old Written Kalmyk, there was a trend of adding explicit indicators of the plural which signifies quite a low level of grammatization for the category of number. Weakening of the meaning of the plural resulted in the emergence of compound plural formants *-doud* (*-d* and *-oud* put together) or *-s* and *-noγoud*.

Keywords: early texts, Old Written Kalmyk, singular, plural, case paradigm, noun

С момента зарождения монголоведе-
 ния вопрос о категории числа продолжает
 оставаться одним из актуальных вопросов
 грамматики монгольских языков. Катего-
 рия числа рассматривалась по принятой

для индоевропейских языков схеме «един-
 ственное число — множественное число»,
 начиная с выхода в свет первой грамматики
 монгольского языка Я. Шмидта [1831]. На
 основе этой схемы грамматическое число

основы имени представлено в таких известных трудах XIX в. по монгольским языкам, как «Краткая грамматика монгольского книжного языка» [1835] О. М. Ковалевского, «Грамматика калмыцкого языка» [1847] А. В. Попова, «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [1849] А. А. Бобровникова. Между тем, агглютинативным языкам, в том числе и монгольским, присущи свои характерные особенности категории множественности. Еще в середине XIX в. А. А. Бобровников отметил, что «иногда не множественное число происходило от единственного, а единственное число от множественного, иногда и множественное, и единственное числа произошли, кажется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова монг. *нөкүр* ‘друг’, *нөкүд* ‘друзья’ и *нөкүчүкү* ‘дружиться’, можно заключить, что корень был *нөкү-*. Для слова *модун* ‘дерево’ и *модуд* ‘деревья’, находим корень в древнем слове *мод-* ‘деревья’, для слов *аран* ‘человек’ (неупотребительное) и *арад* люди находим у бурят корень *ар* ‘человек’ [Бобровников 1849: 87].

Г. Д. Санжеев, описывая категорию числа в своей фундаментальной работе «Сравнительная грамматика монгольских языков», отмечает, что «в монгольских языках наиболее распространённым средством выражения категории множественного числа и множественности являются специальные суффиксы, употребление которых регулируется главным образом характером конечных звуков основы единственного числа» [Санжеев 1953: 127]. Вместе с тем при выделении значений множественности Г. Д. Санжеев выдвинул мысль об индифферентности основы имени монгольских языков к числу, которая в последующем нашла отражение в работах монголоведов более позднего времени [Цыдендамбаев 1979: 25].

Как известно, агглютинативные языки предполагают строгий порядок присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжания. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливает-

ся с суффиксом падежа в одно целое. Для современного калмыцкого языка правила морфонологических изменений на стыке основы и аффиксов, а также двух аффиксов вырабатываются с учетом реализуемого порядка аффиксов. Но необходимо отметить, что старописьменная и современные (письменная и устная) формы калмыцкого языка отличаются друг от друга. Поэтому словоизменительные типы, разработанные на материале современного калмыцкого языка, не могут быть применены для разбора «ранних» текстов. В данной статье мы хотим рассмотреть категорию числа имен существительных старописьменного калмыцкого языка.

Как отмечают некоторые исследователи, в древнемонгольском языке категория множественности была широко развита и обладала регулярным характером. «Контингент имен», способных принимать множественное число, был неизмеримо обширнее, чем в современных языках [Козин 1946: 125]. Кроме того, в нем наблюдается формальное согласование в числе даже при именах. Постепенно этот способ синтаксической связи, ослабляясь, стал исчезать и сохранился «в виде архаизма и реликтов в составе отдельных атрибутивных конструкций» [Пюрбеев 1987: 119]. Помимо этого, использовался и «комбинированный способ выражения множественности», заключающийся в следующем: множественность определяемого компонента передается аффиксом, а определяющего компонента — синтаксически, т. е. сочетанием имени в родительном падеже с его основой [Пюрбеев 1992: 89], например в «Сарын герел»: *otoq otogiyn zayisañ demeci noyoudi* ‘зайсанги и дэмчи каждого из отоков’ [НKKЯ: Сарын герл 10a].

Как отмечает Б. В. Бадмаев, «к концу XVII в., по крайней мере в ойратском, вероятно, произошел значительный сдвиг в сторону рассогласования, т. е. теперь количественную характеристику может содержать либо определение, либо определяемое» [Бадмаев 2001: 15]. Категория числа на материале письменных памятников калмыцкого и ойратского языков рассмотрена в работах С. М. Трофимовой [1999], Б. В. Бадмаева [2000; 2001; 2012], Д. Б. Гедеевой [2013], Д. А. Сусеевой [2011]. В старописьменном калмыцком языке данная категория представлена двумя грамматическими значениями: 1) единственное число и 2) множественное число. Имена существительные

в единственном числе имеют нулевое окончание, а во множественном — материально выраженные формы множественного числа, образованные с помощью специальных формантов.

Средствами выражения категории множественности в старописьменном калмыцком языке являются следующие показатели: *-d, -s, -muud / -müüd / -muus, -noyoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -ciuid / -cüüd / -čüud, -tan / -ten*.

1) Показатель множественного числа *-d* является одним из довольно часто употребляемых в памятниках старокалмыцкого языка. Он присоединяется к основе имен, оканчивающихся на *-n*, который при этом выпадает, например: *teme:n* ‘верблюд’ — *teme:d* ‘верблюды’, *noyon* ‘нойон’ — *noyod / noyad* ‘нойоны’, *gegen* ‘светлейший (вежливое обращение)’ — *geged* ‘светлейшие’, *burqan* ‘будда’ — *burqad* ‘будды’, *aguursun* ‘имущество’ — *aguursud* ‘имущества’.

2) Формант *-s* зарегистрирован в следующих случаях, например: *süme* ‘монастырь’ — *sümes-tü* ‘вин. п. в монастырях’, *уштан* ‘вещь, предмет’ — *уштанас* ‘вещи, предметы’. С помощью *-s* оформляется значение множественности от слова *de:dü* ‘верхний’, которое приобретает значение субстантива, изменяясь по падежам: *de:düs* ‘небожители’, *de:düstü* ‘дат. п. небожителям’, *de:düsüin* ‘род. п. небожителей’. Примечателен тот факт, что суффикс *-s*, по мнению исследователя Л. Н. Рудова, «являясь одним из самых древних показателей множественности монгольских языков», совершенно не употребителен в современном бурятском языке [Рудов 1963: 87], а по определению Г. Д. Санжеева, этот аффикс — «исчезающий и редко употребительный» даже для халхаского наречия [Санжеев: 1953: 132]. В то время в современном калмыцком языке он, напротив, является одним из самых продуктивных формантов множественного числа.

3) Показатель множественного числа — *muud / -müüd* восходит к древнему форманту *-nyoud*, названный А. Поповым «отдельной частицей» с функцией усиления значения множественного числа [Попов 1847: 48–49]. Например: *ayil* ‘селение’ — *ayilmuud* ‘селения’, *kiyid* ‘монастырь’ — *kiyidmüüd* ‘монастыри’. В современном монгольском и бурятском языках ему соответствуют показатели *-nuud / -nüüd*. В некоторых случаях встречается употребление показателя

множественности *-muus*, единичный случай употребления которого отмечен в слове *gol* ‘река’ — *golmuus* ‘реки» [НККЯ: Хождение 78] (скорее всего это разговорный вариант форманта *-muud*).

Вместе с тем в ранних текстах зарегистрированы случаи употребления показателя множественности *-nuguud / -noyoud*, например: *Siri nogoudi urid aciulji ilgegsen...* ‘Шкуры/кожу/погрузили и отправили раньше» [НККЯ: Сарын герл 126]; *yucin teme:n, yurban zoun aqta -noyoudi örgübei* ‘Поднесли 30 верблюдов, 300 коней» [НККЯ: Сарын герл 17a]; *Debisker, tüsilge, zanci, ger, unulya, acilya noyoudi xayirlabai* ‘Подарил подстилку, кресло, накидку, юрту, верховую/лошадь/ и /лошадь/ для перевозки выюка» [НККЯ: Сарын герл 12a]; *Ta nuguud zamdu amur sayin irebüü* ‘Все вы благополучно ли дошли?» [НККЯ: Хождение 79].

Как отмечает Б. В. Бадмаев, «функциональное значение показателя *-noyoud* выходит за рамки простого суффикса множественного числа. Его универсальность наводит на мысль о некогда существовавшем в монгольских языках лексически полнозначном самостоятельном элементе» [Бадмаев 2000: 110]. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «*-nyud* (или *-nud*) и *-ud* обозначают более значительное (или неограниченное) множество» [Цыдендамбаев 1972: 337].

В памятниках письменности XIX в. зафиксирован сингармонический вариант этого форманта — *nögüüd*, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке XVIII в., так как в письменных памятниках ойратского языка XVII в. «он не имеет сингармонических вариантов» [Яхонтова 1996: 42], например: *Kölgön kümüsün nögüüd beledegser bayitala* ‘До тех пор пока всё готовили — и средства передвижения, и провианты...» [Хождение 113]. Как отмечают исследователи памятников письменности XVII в., показатель *-nuguud* является «наиболее универсальным и частым» [Яхонтова 1996: 42; Бадмаев 2001: 87]. Между тем нами зафиксировано, что в памятниках письменности XIX в. случаи употребления данного показателя множественного числа крайне редки. Таким образом можно сделать вывод, что к концу XIX столетия он уже вышел из широкого употребления как в разговорном, так и письменном языке, что привело к его субституции другими более активными аффиксами.

Также имеет место употребление аффикса *-noyoud* после основ, оформленных аффиксами множественного числа *-nar*, *-tan*, *-s*: *Sayin xubitan-noyoudiyin sedkil xanyan...* 'Удовлетворив души обладающих счастливой судьбой' [НККЯ: Сарын герл 12а]; *bogdos-noyoudiyin xubcasun* 'одевание святых' [НККЯ: Сарын герл 28а]. Таким образом, можно отметить, что аффикс *-noyoud*, так же как и *-oud*, спорадически появляющийся в текстах памятников после основ, оформленных суффиксом множественного числа *-d* (*sayid* — *sayidoud*, *noyod* — *noyodoud*), могли быть составной частью двойных суффиксов множественного числа. Как отмечает известный тюрколог Г. В. Благова, многим агглютинативным языкам свойственна тенденция наращивания дополнительного показателя множественности, что является их типологической особенностью [Благова 1971: 361]. Нам представляется верным предположение профессора Ц. Б. Цыдендамбаева, отметившего, что «ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, по-видимому, обусловило появление составных показателей множественности» [Цыдендамбаев 1972: 337].

Иной точки зрения придерживался известный монголист Н. Н. Поппе. Он предполагал, что в одном из прошлых состояний монгольского языка *-nar*, *-d*, *-s* являлись прежде всего не суффиксами множественного числа, а словообразовательными формантами, обозначающими группы, коллективы, причем преимущественно социальные группы. Отдельные индивиды, входящие в эти социальные группы, тоже обозначались этими же формами. Он считал, что это объясняет употребление двойных суффиксов множественного числа (*noyo(n)-d-oud* 'нойоны, владельцы', *ka:-nar-muud* 'телохранители'), где «второй формант является действительно формантом множественного числа» [Поппе 1933: 66].

4) Показатель *-nar* / *-ner* получают имена, обозначающие людей, их профессии, специальность. Этот суффикс Г. Д. Санжеев относил к числу «специализированных показателей множественности» [Санжеев 1953: 132]. Существует мнение, что он является древнейшим заимствованием тюркского суффикса *-lar*, который вследствие перехода инициального *l* в *n* в монгольских языках был адаптирован в виде *-nar* [Год-

зиньски 1985: 42]. Например: *üyileči* 'дело-производитель' — *üyilečinar* 'делопроизводители', *šabi* 'ученик-послушник' — *šabinar* 'ученики-послушники', *tayīži* 'дворянин' — *tayīžinar* 'дворяне, дворянство', *blama* 'лама' — *blamanar* 'ламы', *bara: bologči* 'сопровождающее лицо' — *bara: bologčinar* 'свита, сопровождающие лица', *mörgölči* 'богомалец, паломник' — *mörgölčina:r* 'богомольцы, паломники', *ula:či* 'ямщик, возничий' — *ula:činar* 'ямщики, возничие'. Однако встречается и форма *sümener* 'храмы, кумирни' от *süme* 'храм, кумирня'.

5) В нескольких случаях зафиксирован показатель множественности *-uud* / *-üüid*, например: *bayišing* 'здание' — *bayišingyuud* 'здания', *soyibung* 'сойбун' — *soyibungyuud* 'сойбуны (ламы, заведующие личным штатом)', *üzüg* 'буква' — *üzügüüd* 'буквы', *dacang* 'молельня, храм' — *dacangyuud* 'молельни, храмы'.

6) При образовании множественного числа имеет место употребление сингармонических вариантов показателя *-cuud* / *-cüüd* / *-čiud*, которые, присоединяясь к основам имен прилагательных и иногда существительных, образуют собирательные имена, обозначающие людей. Например: *monggol* 'монгол' — *monggolcuud*, *monggolčiud* 'монголы', *gegen* 'светлейший (вежливое обращение)' — *gegecüüd* 'светлейшие'. Специфика данного аффикса состоит в том, что он присоединяется к основам, которые традиционно считаются основами прилагательных.

7) Показатель *-tan* / *-ten*. В монгольских языках этот суффикс «не только выражает совокупность или множество существ, но и их отношение к окружающим явлениям, например, обладание чем-либо: *моритон* «имеющий лошадей», *сахалтан* «имеющий бороду» [Бертагаев 1964: 100].

Таким образом, в старописьменном калмыцком языке у существительных противопоставляются формы единственного и множественного числа. Специальных показателей единственного числа нет, значение же множественного числа выражается показателями *-d*, *-s*, *-muud* / *-müüd* / *-muus*, *-noyoud* / *-nögüüd*, *-nar* / *-ner*, *-oud* / *-uud* / *-üüid*, *-coud* / *-coud* / *-cuud* / *-cüüd* / *-čiud*, *-tan* / *-ten*, агглютинативно присоединяемыми к основе существительного. В большинстве случаев основа существительного совпадает с формой номинатива единственного числа. Исключение составляют существительные, форма номинатива которых в единственном

числе оканчивается на так называемый «неустойчивый» *-n*: такие существительные образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-d*, при этом *-n* исчезает. Для старописьменного калмыцкого языка выбор показателя множественного числа в значительной мере зависит от исхода основы, а также от семантики существительного. Например, формы множественного существительных, оканчивающихся на гласную, образуются при помощи суффикса *-s*. Для реализации аффикса *-nar* / *-ner* ключевым оказывается семантический фактор: он может присоединяться только к основам существительных, обозначающих людей, профессии.

Для старописьменного калмыцкого языка свойственна тенденция наращивания дополнительного показателя множественности, что говорит об относительно слабой грамматикализованности категории числа. Ослабление значения множественности имен обусловило появление составных показателей множественности — *-doud*, восходящим к сочетанию аффиксов *-d* и *-oud*; или *-s* и *-nouid*.

Литература

- Бадмаев Б. В. «Сарын герел» — памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ). Дис.... канд. фил. наук. М., 2001. 167 с.
- Бадмаев Б. В. Об одном показателе множественности в «Сарин герел» (Биографии Зая-пандиты) // Проблемы современного калмыковедения. Мат-лы Респ. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. А. Борманджинова. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2000. С. 109–111.
- Бадмаев Б. В. Образование множественного числа в ойратском памятнике XVII в. «Сарин герел» (Биография Зая-пандиты) // European Social Science Journal. М.: Изд-во АНО «Международный исследовательский институт», 2012. С. 149–152.
- Бертагаев Т. А. Суффикс *-тан* и его производные в монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 3. Элиста: Калм. гос.-е изд-во, 1964. С. 100–107.
- Благова Г. Ф. Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская константа или типологический параллелизм? // Проблема общности алтайских языков. М.: Наука, 1971. С. 351–361.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1849. 403 с.
- Гедеева Д. Б. Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. // Монгольские языки: история и современность: Мат-лы Межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.) / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 41–43.
- Годзиньски С. Категория числа в среднемонгольском языке // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 5. М., 1985. С. 40–45.
- Ковалевский О. М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, Университет. тип., 1835. 202 с.
- Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольских языках // Ученые записки ЛГУ. № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 123–127.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам (пер. с польского). М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.
- Понне Н. Н. Вопросы грамматики монгольского языка // Записки Института Востоковедения АН СССР. 1933. Т. 2. Вып. 2. С. 51–68.
- Пюрбеев Г. Ц. Согласование в числе как грамматический прием в истории монгольских языков // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. Т. I. Филология. М.: Наука, 1987. С. 118–126.
- Пюрбеев Г. Ц. Историко-типологическая характеристика генитивных конструкций в монгольских языках // Монгольский лингвистический сборник. М., 1992. С. 85–95.
- Рудов Л. Н. Проблемы киданьской письменности // Советская этнография. 1963. № 1. С. 89–98.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.
- Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. ред.: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.
- Трофимова С. М. Категория множественности в калмыцком языке // Вестник Бурятского университета. Сер. 6. Филология. Улан-Удэ, 1999. Вып. 4. С. 159–166.

- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Schmidt I. Grammatik der Mongolischen sprache. St.-Petersburg: Die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1831. 179 p.
- References**
- Badmaev B. V. «Saryn gerel» — pamyatnik oyratskoy pis'mennosti XVII v. (tekstologolingvisticheskiy analiz). Dis.... kand. fil. Nauk [Saryn Gerel — a 17th century Oirat written monument (textual and linguistic analysis). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2001, 167 p. (In Russ.).
- Badmaev B. V. Ob odnom pokazatele mnozhestvennosti v «Sarin gerel» (Biografiya Zaya-pandity) [About one indicator of the plural in Sarin Gerel (Zaya Pandita's biography)]. Problemy sovremennogo kalmykovedeniya. Mat-ly Resp. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu prof. A. Bormandzhinova [Problems of Contemporary Kalmyk Studies. Proc. of the Republican research conf. ...]. Elista, Kalmyk State Univ. Press, 2000, pp. 109–111 (In Russ.).
- Badmaev B. V. Obrazovanie mnozhestvennogo chisla v oyratskom pamyatnike XVII v. «Sarin gerel» (Biografiya Zaya-pandity) [Formation of the plural in the 17th cent. Oirat composition Sarin Gerel (Zaya Pandita's biography)]. European Social Science Journal, Moscow, Mezhdunarodnyy Issledovatel'skiy Institut Publ., 2012, pp. 149–152 (In Russ.).
- Bertagaev T. A. Suffiks -tan i ego proizvodnye v mongol'skikh yazykakh [The suffix -tan and its derivatives in Mongolic languages]. Zapiski KNIIYaLI [Notes of Kalmyk Institute of Language, Literature and History], iss. 3, Elista, Kalm. State Publ. House, 1964, pp. 100–107 (In Russ.).
- Blagova G. F. Kombinatsiya affiksov mnozhestvennosti — iskonno altayskaya konstanta ili tipologicheskii parallelizm? [Combination of plural affixes — a genuine Altaic constant or typological parallelism?]. Problema obshchnosti altayskikh yazykov [Altaic languages: problem of affinity]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 351–361 (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Gedeeva D. B. Formanty mnozhestvennogo chisla v yazyke kalmytskikh zakonodatel'nykh pamyatnikov XVII–XIX vv. [Plural formants in the language of the 17th–19th cc. Kalmyk legislative monuments]. Mongol'skie yazyki: istoriya i sovremennost': Mat-ly Mezhd. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 21–23 oktyabrya 2013 g.) / otv. red. P. O. Rykin [Mongolic Languages: History and Contemporaneity. Proc. of the Internat. research conf. ...]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 41–43 (In Russ.).
- Godzinski S. Kategoriya chisla v srednemongol'skom yazyke [The category of number in Middle Mongolian]. Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznanija. Ch. 5 [Theoretical problems of Oriental linguistics. Part 5]. Moscow, 1985, p. 42 (In Russ.).
- Kovalevskiy O. M. Kratkaya grammatika mongol'skogo knizhnogo yazyka [A brief grammar of literary Mongolian]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1835, 202 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. K voprosu o pokazatelyakh mnozhestvennosti v mongol'skikh yazykakh [Revisiting indicators of the plural in Mongolic languages]. Uchenye zapiski LGU [Scholarly Notes of Leningrad State University], No. 69, series 'Philological Studies', iss. 10, Leningrad, 1946, pp. 123–127 (In Russ.).
- Kotvich V. L. Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. Issledovaniya po altayskim yazykam (per. s pol'skogo) [Studies in Altaic languages (transl. from Polish)]. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1962, 371 p. (In Russ.).
- Popov A. V. Grammatika kalmytskogo yazyka [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Poppe N. N. Voprosy grammatiki mongol'skogo yazyka [Questions of Mongolian grammar]. Zapiski Instituta Vostokovedeniya AN SSSR [Notes of Oriental Studies Institute of USSR Acad. of Sc.], 1933, vol. 2, iss. 2, pp. 51–68 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. Soglasovanie v chisle kak grammaticheskii priem v istorii mongol'skikh yazykov [Number agreement as a grammatical device in the history of Mongolic languages]. V Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov. Doklady sovetskoy delegatsii. T. I. Filologiya [5th Internat. Congress of Mongolists. Reports of the Soviet delegation. Vol. I. Philology]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 118–126 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. Istoriko-tipologicheskaya kharakteristika genitivnykh konstruktov v mongol'skikh yazykakh [Historical and

- typological characteristics of Mongolian genitive constructions]. *Mongol'skiy lingvisticheskiy sbornik* [Mongolian linguistic digest]. Moscow, 1992, pp. 85–95 (In Russ.).
- Rudov L. N. *Problemy kidan'skoy pis'mennosti* [Problems of Khitan scripts]. *Sovetskaya etnografiya* [The Soviet Ethnography journal], 1963, No. 1, pp. 89–98 (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1* [Comparative grammar of Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'menny mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omarkaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omarkaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Kategoriya mnozhestvennosti v kalmytskom yazyke* [The category of number in Kalmyk]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ser. 6. Filologiya* [Bulletin of the Buryat State University], Ulan-Ude, 1999, iss. 4, pp. 159–166 (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in a historical and comparative context]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 147 p. (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Historical chronicles and genealogical tables of the Buryats (historical and linguistic research)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1972, 662 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).
- Schmidt I. *Grammatik der Mongolischen sprache* [Mongolian grammar]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1831, 179 p. (In Germ.).

УДК 811.512.37

Категория числа имен существительных старописьменного калмыцкого языка

Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru

² лаборант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена категория множественности имен существительных старописьменного калмыцкого языка. В старописьменном калмыцком языке данная категория представлена двумя грамматическими значениями: 1) единственное число и 2) множественное число. Имена существительные в единственном числе имеют нулевое окончание, а во множественном — материально выраженные формы множественного числа, образованные с помощью специальных формантов.

Средствами выражения категории множественности в старописьменном калмыцком языке являются следующие показатели: *-d, -s, -tuud / -tüüd / -tuus, -noγoud / -nögüüd, -nar / -ner, -oud / -uud / -üüd, -coud / -coud / -ciud / -cüüd / -čiud, -tan / -ten*. В большинстве случаев основа существительного совпадает с формой номинатива единственного числа. Исключение составляют существительные, форма номинатива которых в единственном числе оканчивается на так называемый «неустойчивый» *-n*: такие существительные образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-d*, при этом *-n* исчезает. Для старописьменного калмыцкого языка выбор показателя множественного числа в значительной мере зависит от исхода основы, а также от семантики существительного.

Ключевые слова: ранние тексты, старописьменный калмыцкий язык, единственное число, множественное число, парадигма числа, имя существительное